

В гостинице «Украина» есть подъезд, где приезжие не живут. Он был в свое время отдан на постоянное жительство нашей элите: известным артистам, ученым. И сидела при входе старушка с прищуренными глазами: «А вы к кому, гражданка?» Сейчас вахтершу заменил код. Но он не работал. Едва я протянула руку к двери, как из подъезда вывалилась группа — человек в пятнадцать — почти одинаково одетых мужчин. Шли они явно не из гостей, слух улавливал деловую терминологию: принтеры, факсы, платежки. Квартиры тут, как видно, арендуют фирмы. Место престижное.

«Куда я делась?»

Тамара Федоровна Макарова подтянута, аккуратно причесана, да, в шлепанцах, но — на высоких каблуках. Огромная квартира, мягкие большие диваны и кресла в белых чехлах.

Задаю какие-то общие вопросы о здоровье, настроении. Тамара Федоровна молчит, смотрит с загадочной улыбкой.

— Знаете, когда Феллини умирал, он произнес удивительную фразу: «Куда же я делюсь?» Каждое утро, просыпаясь, я задаю себе тот же самый вопрос: «Куда я делюсь?»

Тамара Федоровна вспоминает первых своих героини: сильные, целеустремленные, простые и ясные.

— Они формировали мой характер. Мне тоже до недавнего времени все было более-менее понятно. А сейчас... Утром встаешь и узнаешь, что полстраны проголосовало за Жириновского. Приходишь во ВГИК — а там курс набирают только за валюту. Мы привыкли смотреть фильмы — наших коллег, учеников, обсуждать, анализировать. Сейчас эти кар-

тины нигде не увидишь. Мы много ездили по стране. А теперь? Понимаете, все, что составляло мою личность, мой образ жизни, — разрушилось. Вы представить себе не можете: когда мы встречаемся с бывшими учениками, мы говорим... о ценах. Мне сейчас очень не хватает Герасимова, но иной раз я думаю — хорошо, что он не дождал до этих времен. Женщина — все-таки более гибкое существо, ей легче приспособиться.

Крохотная лохматая собачка никак не дает нам разговаривать. Она то лижет хозяйке руки, то с лаем набрасывается на меня, и я думаю: может, ногу и не откусит, но колготки разорвет — точно. В конце концов за свое поведение собака выдворена и закрыта в другой комнате.

— Но ведь вы пережили более суровые времена — войну... — продолжаю я, когда Тамара Федоровна возвращается.

— Что вы, разве это можно сравнить: там мы не испыты-

вали растерянности, неуверенности. «Враг будет разбит, победа будет за нами». Мы в Ленинграде снимали фильм «Непобедимые» — нас там застала блокада. Я пошла работать в госпиталь. Так вот разделить поровну луковицу — это было естественно. Потому что мы считали себя единым целым. Сейчас — каждый за себя, и от этого — одиночество и отчаяние.

Тут в дверь позвонили: пришла домработница. «Этого лекарства не купила, говорят, может, на той неделе будет. А это — достала. Вот сдача — 100 рублей. Молоко еще можно завтра не покупать?» — слышала я из прихожей деревенский говорок.

Тамара Федоровна вернулась и, как бы угадывая мой следующий вопрос, сказала:

— Я не голодаю, у меня пенсия, полставки во ВГИКе. К тому же теперь мне немного надо. Ем я очень мало, так привыкла.

— У вас особая диета!

— Да, французская, — улыб-

нулась Тамара Федоровна. — Надо иметь сильные руки и отдавать от себя все лишнее.

Я напоминаю Тамаре Федоровне: в октябре в нашей газете было опубликовано распоряжение президента, по которому ей и еще нескольким деятелям искусства должны выплачивать пожизненно 10 минимальных окладов.

— Да, да, было такое. Мне недавно позвонил Александр Григорьевич Зархи, который тоже в этом списке. И тоже в недоумении. Дело в том, что публикацией распоряжения все пока и кончилось. Никто нам не сказал, где эту пенсию получать, куда обращаться — в собес, в Союз кинематографистов, в администрацию Президента? А самой искать концы мне как-то неловко... Ведь никто не поверит, что для меня эта пенсия — не только моральная поддержка. Но и материальная. Мы с Герасимовым всю жизнь работали — и в кино, и во ВГИКе. У нас на сберкнижке было 50 тысяч — мы могли купить на них несколько автомобилей. Сейчас, наверное, и колеса не купишь.

Мне хочется переменить тему: где-то в начале разговора Тамара Федоровна обронила фразу: «Я прожила счастливую жизнь». Вот как это — быть счастливой? Лицо Тамары Федоровны засияло:

— Это состояние абсолютного здоровья — физического и душевного. Просыпаясь, и все в тебе ликует. Сейчас этого нет... Я считаю, что старость, она ни к чему. Приходится подчиняться своему телу. Я, правда, пытаюсь сопротивляться: каждое утро, как бы плохо мне ни было, делаю гимнастику. На ночь читаю Зощенко — ведь если всерьез воспринимать нашу действительность, сойдем с ума.

...Спускаясь вниз, я встретила на первом этаже двух мужиков с колясками, груженными тюками. Они были уже не из тех, что я видела два часа назад. Эти, скорее, напоминали больших поклонников Турции и Китая.

— Где тут фирма...? названия я не расслышала. И пожалала плечами: не знаю, мол.

— Тогда давай по всем квартирам звонить, — предложил другой и послал свою фирму далеко-далеко.